

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ: ЕВРОПЕЙСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ

Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии: Сборник научных статей/ под ред. В.С.Малахова и М.Е.Симона. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 300 с.

DOI: 10.20542/2307-1494-2018-2-142-149

Массовая миграция в сочетании с возрастающей неспособностью национальных государств эффективно управлять миграционными потоками является одной из наиболее острых проблем современности. Данная проблема особенно ярко проявилась в последние годы, когда ЕС пришлось в экстренном порядке решать вопросы приема и размещения в разы возросшего потока мигрантов из зон вооруженных конфликтов, а также из стран с тяжелыми и бесперспективными социально-экономическими условиями для значительной части населения. Могли ли действия «богатых» принимающих государств смягчить такой кризис? В какой мере массовую миграцию экстраординарных масштабов и комплекс ее прямых и косвенных последствий оправданно считать вызовами социальной и политической стабильности в таких государствах? Какие меры государственной политики способны сделать более эффективным (в т. ч. с гуманитарной точки зрения) регулирование миграции и полноценную адаптацию прибывших? Можно ли что-то реально противопоставить антимиграционной риторике набирающих популярность ультраправых сил? Какой вклад могут внести ученые в формирование эффективной миграционной политики, учитывающей меняющиеся реалии? Эти и другие вопросы можно поставить перед исследованиями злободневных миграционных проблем.

Представленные в настоящем сборнике работы, авторами которых являются высококвалифицированные эксперты по проблемам миграции, бесспорно, содержат ответы на часть упомянутых, а также и на ряд других важных вопросов. Материалы сборника сгруппированы в четырех разделах, первый из которых посвящен собственно миграционному кризису, второй – эволюции механизмов государственного миграционного регулирования, третий – инструментальной роли так называемых диаспор в государственной миграционной политике и четвертый – мигрантским сетям транснационального характера. Как представляется, содержание сборника не полностью соответствует его названию, поскольку миграционному кризису посвящен только первый раздел, а международное сотрудничество (если под ним понимать взаимодействие не только самих мигрантов) за исключением первой статьи рассматривается лишь эпизодически. Вполне объяснимо, что составители сборника хотели дать ему название одноименной конференции, но приведение названия книги в соответствие с содержащимся в ней набором материалов все же было бы более оправданным шагом.

В *предисловии*, авторами которого являются *В.Малахов* и *М.Симон* (Российская академия народного хозяйства и государственной службы), выражаются определенные сомнения относительно нейтральности самого

выражения «миграционный кризис», использование которого способно спровоцировать крен в сторону восприятия миграции как угрозы вместо акцентирования на ее гуманитарной составляющей. Тем не менее авторы считают возможным употребление данного термина без кавычек в качестве рамочного для сборника при условии, что будет поставлена задача деконструкции наиболее одиозных представлений и стереотипов, характерных для мигрантофобии. В предисловии обозначаются следующие консенсусные для сборника тезисы: (1) миграционный кризис является не причиной, а следствием дестабилизации международной системы; (2) восприятие миграции в качестве острой угрозы безопасности лишено убедительных эмпирических оснований и влечет за собой негативные последствия для стабильности демократий, и (3) правительства принимающих государств обладают лишь ограниченными возможностями регулирования миграций, а используемый ими инструментарий не учитывает многообразие связей, идентичностей и лояльностей.

Первая часть сборника посвящена причинам и следствиям миграционного кризиса. Она открывается обзорной статьей *Ф.Дювеля* (Оксфордский университет) о «кризисе беженцев» 2015 г. Автор подчеркивает, что острота кризиса была обусловлена несколькими группами факторов. Первой из них стали обострение обстановки в Сирии, Ливии, Египте, Судане и Украине, активизация террористических группировок на Ближнем Востоке, жестокая и неэффективная политика диктаторских режимов в Эритрее, Гамбии и других странах. Вторая группа факторов заключалась в переходе ряда стран первичного приема беженцев (Пакистана, Ирана, стран Залива, Иордании, Ливана, Ливии, Судана и отчасти Турции) к политике их выдавливания или, по меньшей мере, создания стимулов для движения мигрантов далее на запад. Третья группа факторов состояла в неэффективности политики самого Евросоюза и его отдельных стран-членов. ЕС не удалось выработать единую политику оперативного реагирования на возникшие вызовы даже тогда, когда их острота стала очевидной. В критический момент пограничный контроль Евросоюза функционировал неадекватно, а греческая система приема беженцев не выдержала их наплыва, в то время как достаточной помощи Афинам со стороны ЕС оказано не было.

В такой ситуации ФРГ приняла очень непростое, но ответственное решение принять значительную часть мигрантов у себя. Данное решение было, впрочем, принято не только под влиянием мотивов альтруизма и ответственности за весь Евросоюз, но также из-за прагматической потребности в рабочей силе в условиях старения населения. Дювель отмечает «высокое качество» сирийского миграционного потока: более двух третей беженцев имеют образование не ниже среднего и в основной массе являются представителями городского среднего класса. Тем не менее единовременный прием огромного количества беженцев привел к росту алармистских настроений и популярности крайне правых политических сил. Снизить остроту миграционного кризиса удалось после заключения в 2016 г. соглашения между ЕС и Турцией, в соответствии с которым последняя получила значительные средства для содержания беженцев, резко ужесточив при этом контроль над путями их дальнейшего движения на запад.

В своей статье, исследующей степень законопослушности находящихся в Великобритании нерегулярных мигрантов, *Н.Лапшина* (Оксфордский университет) опирается на результаты 175 глубинных интервью с представителями этой категории. Автор приходит к выводу о том, что в своей массе иммигранты не имеют намерения нарушать закон, а, напротив, настроены на получение дохода от добросовестной трудовой деятельности. Между тем государству выгодно

полулегальное положение мигрантов, поскольку это сужает их возможности и дает бюрократии дополнительные рычаги контроля над ними. При всей важности полученных результатов, вызывает некоторые вопросы довольно категоричное утверждение автора о том, что данные интервью доказывают неадекватность медийных представлений о тесной взаимосвязи между миграцией и преступностью (с. 54). Хотя такого рода представления действительно выглядят неадекватными, автор пытается использовать для их опровержения отнюдь не нейтральные данные, а заявления самих мигрантов, которые могут быть потенциально заинтересованы в том, чтобы представить себя интервьюеру в выгодном свете. Наконец, можно ли быть уверенными в готовности злостных нарушителей закона соглашаться на участие в исследовании столь же охотно, как это делали «лояльные» мигранты?

Я. Сен-Пьер (Современная консалтинговая группа по вопросам безопасности, Берлин) рассматривает антимигрантский дискурс в политике стран ЕС и доказывает несостоятельность приводимых в рамках этого дискурса доводов. В частности, опираясь на официальные статистические данные из Великобритании, Германии, США и Франции, Сен-Пьер утверждает, что в период с 2011 по 2015 г. миграция нигде не привела к росту преступности, а во многих случаях процент совершаемых иммигрантами преступлений оказывался даже ниже, чем у местного населения.

В данном случае категоричность вывода и неизменная интерпретация ряда спорных моментов в пользу главного тезиса также вызывают вопросы. Отмечая, например, что в абсолютном выражении число совершаемых иностранцами преступлений в Германии в 2015 г. все же заметно выросло, автор вычитает совершенные «нелегалами» (т. е. лицами, въехавшими в страну и находящимися в ней нелегально) преступления, доказывая, что без учета этой категории роста «иностранной преступности» в том году не произошло. Аналогичным образом, признавая, что в 2015 г. иностранцы совершили в Германии 20% преступлений сексуального характера, Сен-Пьер подчеркивает, что лишь 4,8% приходятся на соискателей убежища, не пытаясь при этом разъяснить, на какие именно категории иностранцев в основном приходятся оставшиеся 15%. Если допустить, что приводимая автором статистика по ФРГ «выводит из-под удара» сирийских беженцев (значительную часть которых, как уже упоминалось, составляют образованные представители городских средних слоев), то как ее интерпретировать применительно к остальным категориям мигрантов (например, низкоквалифицированным мигрантам из стран Африки), включая «нелегалов»?

К сожалению, в статье Сен-Пьера не анализируется довольно большой массив написанных в разные периоды исследовательских работ о взаимосвязи миграции и преступности.¹ Выводы, к которым приходят авторы этих работ, довольно серьезно разнятся. В большинстве исследований ситуации в США делается вывод о том, что преступность среди мигрантов ниже, чем в среднем по стране (хотя некоторые исследования этот вывод, все же, оспаривают).² Результаты по ЕС гораздо менее однозначны и довольно серьезно различаются как по странам, так и по категориям мигрантов (в зависимости от социальных характеристик и степени интегрированности прибывших в принимающее общество).³ Можно также упомянуть неоднозначность и более поздних немецких статистических данных и их интерпретаций. Так, в докладе МВД ФРГ за 2018 г. «Преступность в контексте иммиграции» упоминалось, что составлявшие 2% населения страны некоторые категории иммигрантов (включая соискателей убежища и нелегальных иммигрантов) совершили в 2017 г. 8,5% преступлений (в

число которых не включались нарушения миграционного законодательства), 14,3% преступлений против жизни, 12,2% сексуальных преступлений, 11,4% краж и 9,7% преступлений, связанных с нанесением телесных повреждений. В том же докладе отмечаются серьезные различия «вклада» в преступность различных социальных и страновых групп мигрантов: в то время как сирийские беженцы совершали меньше преступлений, чем в среднем, мигранты из ряда других стран и регионов по своему «вкладу», напротив, заметно выделялись в худшую сторону.⁴

Безотносительно к тезисам данной конкретной главы, рецензент считает возможным обозначить ту дилемму, с которой потенциально рискуют столкнуться многие представители мейнстрима в исследованиях миграции, разделяющих левые политические идеи и считающих смыслом таких исследований принципиальное отстаивание интересов несправедливо маргинализированных социальных групп. Типичная для этого направления установка о недостижимости объективности в социальных исследованиях и о приоритетности социальной справедливости по отношению к объективности способна ввести некоторых исследователей в искушение тенденциозно интерпретировать статистические данные и результаты других исследований (акцентируя внимание на «правильной» информации и умаляя значение «неправильной») для обоснования «нужных» выводов. В таком контексте вполне можно счесть, что продвижение «неудобной» информации о преступности среди мигрантов способно дать козырь в руки мигрантофобам и подкрепить их аргумент о необходимости депортации мигрантов. Следует, однако, иметь в виду, что тенденциозность подбора аргументов при нежелании тщательно и добросовестно рассматривать доводы оппонентов и «невыгодную» информацию способны подорвать доверие части общественности к мейнстриму исследований миграции и тем самым способствовать росту влияния праворадикальных сил. При этом добросовестное признание тех случаев, когда некоторые группы мигрантов вносят непропорционально большой вклад в криминальную статистику, отнюдь не влечет за собой автоматический вывод о необходимости их неизбирательной депортации, тем более что основную часть даже таких групп составляют вполне законопослушные люди.

Значительное внимание в статье Сен-Пьера также уделяется проблеме роста популярности в четырех упомянутых западных странах праворадикальных сил, широко использующих антимигрантскую риторику. Автор приходит к выводу о том, что такой рост представляет собой долговременную тенденцию, начавшуюся более 20 лет назад; причем более успешными оказываются те праворадикальные силы, которые не приобрели слишком явно расистскую репутацию. Еще один важный тезис заключается в том, что динамика популярности антимигрантской риторики в четырех западных странах имеет свою национальную специфику. Если в ФРГ ее всплеск приходится на период миграционного кризиса, то во Франции и отчасти в США ее интенсификация связана с обострением террористической угрозы, а в Великобритании – преимущественно с ростом безработицы (при этом недовольство местного населения даже в большей степени направлено на работников из бедных стран ЕС, чем на беженцев). Автор также обращает внимание на то, что рост активности и популярности праворадикальных сил сам по себе провоцирует преступность, вдохновляя наиболее агрессивные настроенные праворадикалы на совершение насильственных действий против иммигрантов и своих идейных оппонентов.

В конце своей главы Сен-Пьер заявляет, что соперничающие с праворадикалами силы политического мейнстрима на Западе должны принять непростое решение и прекратить пользоваться нарративом ультраправых с тем,

чтобы не подпитывать продвигаемый теми антимигрантский дискурс. Данная рекомендация представляется, однако, довольно рискованной для выполнения, поскольку она потенциально может привести не столько к ожидаемой маргинализации антимигрантского дискурса, сколько к дальнейшему росту популярности праворадикальных сил как единственного выразителя чаяний тех групп населения, которые чувствуют угрозы своей безопасности. Целесообразным представляются дальнейшие компаративные исследования динамики популярности крайне правых сил в условиях, когда их оппоненты со стороны мейнстрима осознанно пытаются обойтись без использования антимигрантской риторики.

В статье *С.Ганнушкиной и К.Троицкого* (Комитет «Гражданское содействие») рассматривается комплекс тех непростых проблем, с которыми сталкиваются сирийские беженцы в России. По состоянию на 2015 г. в России находились 7–8 тысяч граждан Сирии, в том числе более 2 тысяч соискателей убежища. Как отмечают авторы, российские власти крайне неохотно давали соискателям формальный статус беженцев, предпочитая предоставлять большинству из них временное убежище на год, не продлевавшееся впоследствии. Многим было отказано даже в таком статусе на том основании, что угроза их жизни на родине более не существовала после изгнания с соответствующих территорий военизированных формирований террористов. В ожидании интервью соискатели находились в нелегальном положении, которое в ряде случаев вело к депортации. Авторы приходят к выводу о том, что Россия должна пересмотреть свою политику по отношению к сирийским беженцам в сторону смягчения, дабы подтвердить свое право выступать в качестве арбитра в сирийском конфликте.

Вторая часть сборника посвящена проблемам регулирования миграционных процессов государством и представлена двумя статьями.

О.Моргунова (Университет Глазго и Российский университет дружбы народов) рассматривает эволюцию миграционной политики Великобритании начиная с колониального периода. Основной акцент делается на миграционной политике в отношении представителей расовых меньшинств и на влияние общественного мнения на ее формирование. Автор отмечает, что в колониальный период не существовало ограничений на въезд жителей колоний в метрополию, хотя после въезда представители расовых меньшинств систематически сталкивались с неформальной дискриминацией в процессе трудоустройства и в быту. В контексте же регулирования въезда в Великобританию тех людей, которые не являлись подданными, расовый дискурс долгое время присутствовал ощутимо. В настоящее время влияющие на проводимую политику антимиграционные настроения определяются, главным образом, не расовой неприязнью и страхом перед «видимой инаковостью», а конкуренцией за рабочие места в условиях роста безработицы. К сожалению, в статье была допущена фактическая неточность: представитель расового меньшинства (Д.Наороджи) впервые стал членом британской Палаты общин не в 1882 г. (с. 114), а в 1892 г.

Статья *В.Комаровского* (ИМЭМО РАН) посвящена проблеме спонсорских отношений между работодателем и мигрантом в контексте регулирования трудовой миграции. Подчеркивается, что спонсорство является ключевым звеном в политике такого регулирования. Хотя работодателям приходится преодолевать бюрократические барьеры в процессе получения спонсорского статуса, в дальнейшем это компенсируется сокращением числа проверок на предмет соблюдения миграционного законодательства, сроков рассмотрения заявок на привлечение рабочей силы и т. п. Вызывает сомнение частный тезис автора о том,

что «наиболее цивилизованный подход демонстрирует Австралия», создающая лагеря для мигрантов в островных государствах и разворачивающая обратно перевозящие нелегалов суда. «Офшоризация» австралийской миграционной политики резко критикуется многими исследователями и СМИ за те тяжелые и бесправные условия, которые создают для размещаемых мигрантов партнерские островные государства; тогда как выпроваживание обратно австралийской береговой охраной перевозящих «нелегалов» плавательных средств подвергает риску человеческие жизни.

В *третьей части* сборника, также представленной двумя статьями, рассматривается эволюция понятия «диаспора» под влиянием государственной политики, конструирующей данное понятие и пытающейся использовать его в инструментально-регулятивных целях.

В статье *В.Дятлова* (Иркутский государственный университет) речь идет о том, что в постсоветских реалиях понятие «диаспора» все чаще используется чиновниками на местах, с одной стороны, как наукообразный заменитель некорректных характеристик вроде «лиц кавказской национальности», а с другой – как эквивалент этнокультурных организаций (особенно национально-культурных автономий), руководство которых мыслится частью вертикали, ответственной перед органами власти за всех представителей данной этнической группы, оказавшихся на определенной территории. Фактически такие организации мало кого в состоянии контролировать, однако их лидерам выгодно создавать иллюзию представительства, благодаря чему они получают финансирование и прочие бонусы.

С.Румянцев (Центр независимых социальных исследований, Берлин) показывает, что в конструировании «диаспор» и контроле над ними могут быть заинтересованы власти не только «принимающих», но и «посылающих» государств. В его статье идет речь о политике азербайджанских властей по «диаспоростроительству» за рубежом. Автор полагает, что такого рода политика мотивирована, прежде всего, стремлением азербайджанских властей укрепить свою легитимность в качестве деятельного поборника международной солидарности 50–60 млн. азербайджанцев (лишь 10 млн. из которых проживают в самом Азербайджане). Важную роль также играет намерение Баку создать противовес якобы вездесущему высокоэффективному «армянскому лобби» для более эффективного продвижения азербайджанских интересов в связи с карабахским конфликтом.

В фокусе *четвертой, заключительной части* сборника находится феномен транснациональных сетей мигрантов, представляющих собой систему их социальных связей с государствами прежнего проживания и третьими странами. Рассмотрение миграционных процессов сквозь призму данного феномена позволяет взглянуть на миграцию с транснациональной и социетальной точек зрения, альтернативной государствоцентричному подходу.

Используя транснациональную перспективу, *М.Савоскул* (МГУ) концептуализирует результаты серии интервью с живущими в ФРГ выходцами из бывшего СССР. Транснационализм наиболее ярко проявляется в одной из трех адаптационных стратегий: представители данной категории сохраняют лояльность и тесные связи как с Германией, так и со страной исхода. Две другие стратегии представляют собой противоположные полюса: изоляция от принимающего общества подразумевает ориентацию на созданную мигрантами социальную среду и на сохранение интенсивных связей со страной исхода, тогда как интеграция

предполагает наращивание связей с принимающим обществом и сокращение связей с прежней социальной средой.

С.Олимова и *М.Олимов* (исследователи Центра «Шарк», Душанбе) анализируют роль религиозных сетей в процессе социализации таджикских трудовых мигрантов в России. Авторы приходят к выводу о том, что религиозные сети играют важнейшую роль в этом процессе, так как обладают высоким авторитетом среди мигрантов и помогают им восполнить в чужой среде дефицит тех акторов, которым можно доверять. Организованные вокруг мечетей сообщества помогают прибывшим в адаптации, облегчают процесс поиска работы и жилья, доступ к образованию и медицине. В свою очередь, благодаря основанным на доверии отношениям, религиозные сети способствуют интернационализации связей таджикских мигрантов, расширению их разнообразных (в том числе, деловых и гуманитарных) контактов с мусульманами других этнических групп. Авторы полагают, что при происходящем на базе посещаемых мигрантами российских мечетей интенсивном взаимообмене между различными традициями ислама, такие мечети не являются центрами распространения радикальных исламистских идей. Напротив, радикальные миссионеры и вербовщики предпочитают действовать за пределами мечетей.

В завершающей сборник работе *Д.Полетаева* (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) предлагается анализ результатов широкомасштабного социологического исследования тех проблем, с которыми сталкиваются мигранты из Таджикистана и Киргизии на рынках труда в городах Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Исследование показало, что вступление Киргизии в ЕАЭС в 2015 г. привело к некоторому улучшению положения рабочей силы из этой страны: киргизские трудовые мигранты чувствуют себя несколько более защищенными, и с ними чаще подписываются трудовые контракты. Вместе с тем и киргизские, и таджикские мигранты в своем большинстве получают основную часть зарплат в конвертах и подвергаются риску быть обманутыми работодателями. Автор рекомендует органам власти: (1) при формировании миграционной политики исходить из того, что потребность РФ в мигрантской рабочей силе носит долгосрочный характер ввиду неблагоприятных демографических тенденций; (2) финансировать подготовку рабочей силы, включая квалифицированные кадры, в самих Киргизии и Таджикистане и (3) более адекватно координировать изменения в миграционной политике с изменениями в экономической, социальной и внешней политике. Как и в случае со статьей *Н.Лапшиной*, определенные вопросы вызывают те результаты исследования, которые фиксируют очень высокий уровень законопослушности мигрантов и склонности их подавляющего большинства работать легально (с. 292). Есть ли гарантия того, что некоторые опрошенные не побоялись дать потенциально «невыгодные» для них ответы, а также того, что незаконопослушные мигранты в принципе не уклонились от участия в опросе?

Некоторое сожаление рецензента вызывает то обстоятельство, что в настоящем сборнике, так же как и во многих других современных трудах по миграции, критика существующих реалий явно преобладает над рекомендациями по изменению таких реалий. Как полагают некоторые исследователи, в западных странах нежелание исследователей миграции участвовать в формировании миграционной политики связано со стремлением избежать рассмотрения миграции с государственноцентричной перспективы. Она ограничивает исследования рамками национальных государств и задающей неприемлемую для ученых и специалистов левых политических взглядов повесткой, при которой легитимизируется

маргинальное положение мигрантов.⁵ В России же более серьезной проблемой может быть скептицизм части исследователей относительно возможности внести сколько-нибудь реальный вклад в формирование реальной политики. В некоторых работах, посвященных взаимодействию исследователей с чиновниками в сфере регулирования миграции, упоминается о широко распространенной практике использования чиновниками разных стран рекомендаций лишь в ритуально-символических целях (чтобы формально показать факт наличия взаимодействия с наукой и заявить о научной обоснованности проводимой политики), а также для выборочного обоснования фактически проводимой политики «удобными» тезисами исследований, цитируемыми произвольно.⁶

Еще одна проблема заключается в том, что вопросы, связанные с миграционным кризисом, в сборнике рассматриваются по горячим следам, в то время как ситуация меняется очень динамично. Материалы захватывают лишь сам год обострения кризиса (2015 г.) вместе с последующим, 2016-м годом.

Несмотря на эти и другие отмеченные выше проблемы, настоящий сборник состоит из работ высокого качества, принадлежащих квалифицированным специалистам. Есть серьезные основания считать совокупность данных трудов заметным, актуальным и (даже с учетом некоторых оговорок) ценным в практическом плане вкладом в изучение рассматриваемого круга вопросов. Представляется, что сборник займет достойное место среди современных исследовательских работ на русском языке, посвященных исследованию злободневных миграционных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор некоторых работ по данной проблеме можно найти в статье: Голунов С. Этническая миграция и преступность // Pro et Contra. 2014. Январь-апрель. С. 84–95.

² Ousey G.C., Kubrin Ch.E. Exploring the connection between immigration and violent crime rates in U.S. cities, 1980–2000 // Social Problems. 2009. V. 56. № 3. P. 447–473.

³ Solivetti L.M. Looking for a fair country: features and determinants of immigrants' involvement in crime in Europe // The Howard Journal. 2012. V. 51. № 2. P. 147.

⁴ Kriminalität im Kontext von Zuwanderung. Bundeslagebild 2017. Bundeskriminalamt.
URL: https://www.bka.de/SharedDocs/Downloads/DE/Publikationen/JahresberichteUndLagebilder/KriminalitaetImKontextVonZuwanderung/KriminalitaetImKontextVonZuwanderung_2017.pdf;jsessionid=3A0357445A988BC24E4C701B5B8E6563.live2292?__blob=publicationFile&v=3.

⁵ Verbeek S., Entzinger H., Scholten P. Research-policy dialogues in the Netherlands // Integrating Immigrants to Europe: Research-Policy Dialogues. – Heidelberg: Springer Open, 2015. P. 213–232.

⁶ Borkert M. Research-policy dialogues in Austria // Integrating Immigrants to Europe: Research-Policy Dialogues. Ibid. P. 151–152.